

Дубровская Елена Юрьевна

кандидат исторических наук

Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ КАРЕЛИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*

Гражданская война на Севере России – крайне ожесточенный, драматичный и противоречивый период в истории страны. В новейших исследованиях подчеркивается ее глобальный и тотальный характер, поскольку война охватила все российское пространство, включая самые удаленные уголки, разделила классы, слои, группы населения, ведь линия раскола проходила как между ними, так и внутри них, разведя по разные стороны баррикад земляков, друзей, соседей, а нередко и членов одной семьи¹.

Тема Гражданской войны в Карелии по прошествии столетия с ее окончания остается малоизвестной для широкого круга читателей, а коллективная память о ней носит довольно путаный характер, хотя события войны и международной интервенции нашли отражение в научной литературе и в творчестве карельских писателей советского периода. В центре внимания историков российской революции 1917 года, Гражданской войны и военной интервенции в советскую Россию традиционно оставались институты власти и основные участники борьбы за власть, крупнейшие политические партии и их главные лидеры².

Цель настоящего исследования – основываясь на официальных источниках и особенно на источниках личного происхождения (воспоминания, публикации в советской печати и т.п.), рассмотреть перемены, происшедшие в общественных настроениях жителей Карелии за годы Гражданской войны, отличавшейся в силу пограничного положения западных уездов Архангельской и Олонецкой губерний своими особенностями на фоне других российских регионов. Успешный опыт недавно увидевшего свет монографического исследования повседневных практик выживания, к которым вынуждены были прибегать

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось в рамках госзадания КарНЦ РАН (тема FMEN-2021-0000 «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII–XXI вв.: новые подходы и интерпретации»).

¹ Подробнее об этом см.: Дубровская Е.Ю. «Военное лихолетье» в воспоминаниях участников и очевидцев: Первая мировая и гражданская войны глазами жителей Российской Карелии // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электронный сборник. Самара, 2017. Вып. 5. С. 313–326. URL: http://sbornik.libsmr.ru/content/stories/5/sbo5_25.pdf (дата обращения: 29.04.2021).

² Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3–16.

жители приграничья в экстремальных обстоятельствах революционного и военного времени³, открывает перспективы для изучения трансформаций повседневной жизни и в других уездах карельского края под влиянием социокультурных перемен в российском обществе.

Ставится задача оценить значимость воспоминаний участников событий и очевидцев интервенции и Гражданской войны на Севере России для разработки проблемы исторической памяти населения карельского приграничья – современников и участников общественно-политических перемен в Российской Карелии. Актуальность проблемы связана и с особым методологическим инструментарием, применяемым к исследованию мемуарных текстов как наиболее массовому виду документов личного происхождения.

Определяя содержание понятия «повседневность», ярославские историки О.В. Ольнева и В.П. Федюк включили в него прежде всего отношения человека с миром окружающих его вещей (внешний и внутренний облик жилища, одежда, обувь, привычный рацион питания и т.д.). Наряду с устоявшимися отношениями между людьми (общественная мораль, привычки и традиции, нормы поведения и устоявшиеся отклонения от этих норм) понятие «повседневность» охватывает и общественные настроения – «своеобразное “переживание” общественных изменений, затрагивающих индивида». По наблюдениям авторов, общественные настроения не тождественны общественному мнению, которое «конкретизировано и направлено на оценку определенного события, явления, личности». Общественные настроения определяют активную или пассивную позицию общества по отношению к происходящему, это оценка эпохи, данная современниками событий⁴.

Проблемам изучения совокупности идей и образов, отражающих специфику восприятия, осмысления и оценки прошлого, связи прошлого, настоящего и будущего, глубины и вектора исторической памяти (памяти о прошлом) как универсального способа построения идентичности, сегодня уделяется достаточно внимания специалистами из различных областей гуманитарного знания. Среди них работы А.В. Антощенко и В.В. Волоховой, М.А. Витухновской, С.Ю. Малышевой, И.В. Нарского, И.А. Разумовой, Л.П. Репиной, М.Ф. Румянцевой, И.Е. Козновой, Б.И. Колоницкого и др.⁵

³ Витухновская-Кауппала М.А., Осипов А.Ю. В пучине гражданской войны: Карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922. М.; СПб., 2021.

⁴ Ольнева О.В., Федюк В.П. Общественные настроения российской провинции в 1917 году // Социальная история: ежегодник 2010. СПб., 2011. С. 251.

⁵ Антощенко А.В., Волохова В.В. Монументальный образ «провинциальной» столицы (прогулка по центру Петрозаводска) // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск, 2008. С. 393–411; Витухновская М.А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России: 1905–1917. Хельсинки; СПб., 2006; Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000; Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005; Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–22 гг. М., 2001; Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001; Репина Л.П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 7–18; Румянцева М.Ф. «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // Диалог со временем.

Изменения, которые произошли в 1917 г. в традиционном укладе жизни карельской деревни, уездных городов и губернского центра Петрозаводска, исследованы на основе опубликованных и неопубликованных, прежде всего архивных, источников. К первым относятся, например, выходявшие в 1932, 1957 и 1963 гг. сборники воспоминаний участников революции и Гражданской войны в Карелии⁶.

Особый интерес представляют обнаруженные в Научном архиве Карельского научного центра РАН многочисленные подготовительные материалы к этим публикациям. Среди очевидцев, оставивших воспоминания или автобиографические записи о событиях тех лет, – участники гражданской войны 1918 г. в Финляндии: рабочий М. Куконой, Я. Саволайнен из Выборга, уроженец Улеаборгской губ. А. Лайне, рабочий со ст. Руукки Э. Ояла. Воспоминания С.С. Ракчеева, выходца из вепсской д. Наумовская Шелтозерско-Бережной волости Петрозаводского уезда, бойца 18-й роты красногвардейцев-лыжников, хранятся среди материалов карельского истпарта⁷. Написанные в 1934 г., они легли в основу более поздних воспоминаний С.С. Ракчеева (вторая половина 1950-х гг.)⁸.

В Научном архиве Национального музея Республики Карелия есть воспоминания И.М. Никитина (1881–1965) о старом Петрозаводске – губернском центре Олонецкого края. В конце XIX в. их автор получил образование в петрозаводском городском училище и более двух десятков лет прослужил в Олонецкой духовной консистории. Этот уникальный источник рассказывает об общественно-политической жизни Петрозаводска и Олонецкой Карелии в канун российской революции, в 1917 году, в раннесоветский период. Неопубликованные воспоминания, написанные в 1960-е гг. для родственников, во многом послужили основой для генеалогического исследования, проведенного его внуком⁹. Воспоминания включают как записи, подготовленные автором для тогдашнего Карельского государственного краеведческого музея¹⁰, так и «зарисовки», сделанные «для себя» и ныне хранящиеся у родственников И.М. Никитина.

Социальная трансформация наиболее отчетливо проявляется в переходные периоды. В исследуемый период трансформация политической системы протекала на фоне

Альманах интеллектуальной истории. Вып. 21. 2007; *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001.

⁶ В боях за Советскую Карелию. Очерки и воспоминания. Л., 1932; В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957; За Советскую Карелию. 1918–1920. Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск, 1963.

⁷ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. П-14. Оп. 1. Д. 189. *Ракчеев С.* 18-я отдельная рота лыжников (о гражданской войне в Советской Карелии в 1919–1920 гг.).

⁸ Научный архив КарНЦ РАН (далее – НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 20. Д. 74. *Ракчеев С.С.* Незабываемые дни 1917–1919 гг. становления Советской власти в родном крае; Д. 75. *Ракчеев С.С.* Так начиналось советское строительство в вепсской деревне (1917–1919); Оп. 31. Д. 104. *Ракчеев С.С.* 18-я лыжная рота. Воспоминания о гражданской войне в Карелии.

⁹ Архив кафедры истории и этнологии ГПА в С.Петербурге (2001–2003). ФС. М-99: *Никитин И.М.* Страницы жизни и истории города (рукопись); *М.В. Никитин.* Наша родословная в истории Петрозаводска. С. 20–35.

¹⁰ *Никитин И.М.* Первые шаги карельской милиции // Научный архив Национального музея Республики Карелия (далее – НА НМРК). Д. 1200.

усталости населения от государственного произвола военного времени и порождала надежды на т. н. «лучшие времена»¹¹. Необходимо подчеркнуть, что наряду с социальной составляющей важнейшее место внутри революционного времени занимают его эмоционально-личностные компоненты. Понять революцию без личностного погружения в ее время невозможно, равно как познание это было бы крайне не полным без эмоционального переживания революции и последовавшей за ней Гражданской войны как человеческой драмы, выросшей из «военного лихолетья» Первой мировой¹².

Геополитическое значение Российской Карелии и Кольского Севера, возросшее в годы Первой мировой войны и обусловленное строительством Мурманской железной дороги, потребовало формирования новых ориентиров и ценностей. Они определялись как особенностями региональных культурных традиций, так и социальными, политическими, экономическими интересами государства. Влияние военного фактора на условия жизни населения края прежде всего проявилось особой остротой продовольственного кризиса, вызванного большим притоком мигрантов в регион в связи с постройкой Мурманской железной дороги¹³.

Перед лицом реальной угрозы голода большевики настаивали на расширении чрезвычайных мер в борьбе за хлеб. В мае 1918 г. советское правительство объявило о введении продовольственной диктатуры, стали создаваться продотряды, которые должны были заниматься конфискацией продовольствия. 12 июня при Петрозаводском городском Совете был создан Военно-революционный комитет (ВРК), наделенный неограниченными полномочиями. На заседаниях Совета поднимался вопрос о создании продотрядов. Левые эсеры, входившие тогда в состав его исполнительного комитета, убеждали депутатов, что продотряды не добьются цели своего командирования в деревню, зато восстановят крестьянство против рабочих. Однако продовольственное положение в городе было настолько серьезным, что не приходилось останавливаться перед самыми крайними мерами. Поддержку Совета получила резолюция меньшевиков: «Посылку продовольственных отрядов признаем целесообразной, при условии вербования отрядов из наиболее сознательных рабочих»¹⁴.

Комиссариат продовольствия Петроградской трудовой коммуны в поисках выхода из создавшегося бедственного положения сформировал научно-технический комитет, который обратился к ученым за рекомендациями насчет того, чем заменить традиционные

¹¹ *Зими́на В.Д.* Революция 1917 года в контексте трансформации политической системы России // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века. Сб. матер. Всерос. науч. конф. М., 2007. С. 116.

¹² *Дубровская Е.Ю.* Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии. Петрозаводск, 2016; *Захарченко Г.В.* Революционное время и его особенности // Пространство и время в восприятии человека: историко-психологический аспект. Матер. XIV Междунар. науч. конф. Ч. 1. СПб., 2003. С. 206; *Морозова О.М.* Антропология гражданской войны. Ростов н/Д., 2012. С. 122–138.

¹³ *Кривоноженко А.Ф.* Беженцы в Карелии во время Первой мировой войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 8. С. 62–71; *Нахтигаль Р.* Мурманская железная дорога (1915–1919 гг.): военная необходимость и экономические соображения. СПб., 2011.

¹⁴ Цит. по: *Пашков А.М., Филимончик С.Н.* Петрозаводск. СПб., 2003. С. 78.

продукты питания. На это предложение откликнулись специалисты Главного ботанического сада и за короткое время подготовили несколько листовок-брошюр, названия которых красноречиво характеризуют продовольственную ситуацию 1918 г.: «Съедобные дикорастущие растения северной полосы России», «О домашних способах приготовления пищи из овса», «Малоизвестные съедобные грибы» и др. Одна из них, вышедшая летом 1918 г. и состоявшая всего из 4 страниц, носила название «О замене китайского чая другими растениями». Ее автор Г.А. Надсон впоследствии заведовал библиотекой Главного ботанического сада СССР.

Отметив, что «чая становится все меньше, и трудно ожидать значительного его подвоза в близком будущем», он писал: «...Ни собственно китайский чай из Китая, ни ост-индский или цейлонский, ни наш русский батумский чай не доходят теперь до нас», поэтому выход из положения видел в использовании суррогатов и местных растительных заменителей, таких как «копорский», или «немецкий» чай, иван-чай, он же кипрей, чабрец, брусничный или черничный лист и т.п.¹⁵

В августе председатель Олонецкого губисполкома П.Ф. Анохин телеграфировал СНК и наркому продовольствия А.Д. Цюрупе о бедственном положении в губернии: «Неоднократно наша губпродколлегия сообщала об ужасном состоянии продовольствия. Ответа до сего времени никак не получаем. Губревисполком обращается с убедительной просьбой помочь продовольствием. Голодные толпы народа перед губпродкомами требуют хлеба и грозят разгромом Совета. Возможны эксцессы. За вторую половину августа выдать нечего. Шлите, что возможно»¹⁶. Продовольственные органы были не в силах вести нормальное снабжение населения в условиях спекуляции и нарастания продовольственной анархии. Голодающее население Севера России «двинулось в поход за продуктами на юг и восток, пролетарское государство свои экспедиции за продовольствием предпринимало в том же направлении»¹⁷.

Петрозаводские продотряды, отправившиеся в конце августа – начале сентября 1918 г. за хлебом в Симбирскую и Курскую губернии, насчитывали более двухсот рабочих Александровского снарядодельного завода, Мурманской железной дороги, губернской типографии, а также служащих городской продовольственной коллегии. Рабочие завода и железнодорожники осенью 1918 г. заготовили и отправили в губернию 119 вагонов с хлебом. Нередко продотрядовцы сталкивались с вооруженным сопротивлением крестьян, несколько человек из вступивших в отряды были убиты¹⁸. В августе – сентябре 1918 г. продовольственные отряды создавались также в Вытегре, Вознесенье, Лодейном Поле, Повенце. Население Олонецкого уезда с большими

¹⁵ Лихоткин Г. Летом 18-го года // Нева. 1989. № 10.

¹⁶ НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 78. Л. 61.

¹⁷ Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917–1921. СПб., 2007; *Его же*. Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918–1922 гг. // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 41–54.

¹⁸ Пашков А.М., Филимончик С.Н. Указ. соч. С. 78.

перебоями снабжалось хлебом по карточкам. Голодные люди готовы были поддержать любую власть, обещавшую спасение от голода¹⁹.

Не лучше обстояли дела и в Беломорской Карелии. 11 июня 1918 г. исполком Кемского уездного Совета поручил уездному военкому отправиться с отрядом красноармейцев в Сороку и реквизировать все запасы, «взятые путем реквизиции от 54-го железнодорожного батальона». Муку предписывалось передать образованному на заводе волостному Совету, а также – взаимнообразно – голодающему населению сел Вирмы и Сухого. Представитель уездного исполкома был командирован в Соловецкий монастырь с предложением «идти навстречу голодающему населению этих сел и дать хлеба сколько возможно, но не менее обещанных 1000 пудов». После поездки в монастырь семнадцати уполномоченных красноармейцев оттуда поступила жалоба в адрес Кемского уездного Совета²⁰.

Исследовательница О.М. Морозова, отвечая на вопрос о времени, с которого начался кровавый этап социального противостояния в Беломорской Карелии, связывает резкий скачок взаимной нетерпимости с вооруженными столкновениями в приграничье в осенние месяцы 1918 г. Когда на европейском театре военных действий звучали последние залпы Первой мировой войны, в Российской Карелии разгорался пожар войны Гражданской. Бойцы «Карельского полка» сражались здесь против добровольческих отрядов финских интервентов и поддержавших их земляков²¹.

Как свидетельствует относящаяся к этим дням сводка по Олонецкой губернии, «продовольственный вопрос в армии более или менее удовлетворителен в отношении хлеба», но «ощущается недостаток в горячей пище». «Отделом снабжения отпускается лишь хлеб, постное масло, сахар, чай, мыло, соль, сельди и в очень редких случаях – мясо, которое при отпуске в достаточном количестве могло бы служить большим подспорьем при недостатке прочих продуктов», – говорится в документе. «Некоторые уездные военкомы выражают желание производить закупку мяса собственными средствами помимо отдела снабжения, дабы иметь возможность снабжать красноармейцев горячей пищей, так как они питаются иногда одной сухой пищей, что вредно отражается на их здоровье и настроении. Среди населения продовольственный вопрос обстоит хуже. Недостаток хлеба и прочих продуктов заметен во всех уездах, в волостях некоторых уездов – настоящий голод»²².

¹⁹ Филимончик С.Н. Олонец в годы революции и гражданской войны (1917 – начало 1920-х гг.) // Олонец. Историко-краеведческие очерки: в 2 ч. Ч.2. Петрозаводск, 1999. С. 16; Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. М., 1975. С. 65.

²⁰ НА РК. Ф. Р-249. Оп. 1. Д. 7. Л. 7, 15–17, 19, 23, 36, 56, 81; Д. 11. Л. 11; Ф. 351. Оп. 1. Д. 1а. Л. 11, 13, 14; История Карелии в документах и материалах: советский период. Петрозаводск, 1992. С. 20–21; Урок истории дает архив. Петрозаводск, 1994. С. 17–22; Шумилов М. И. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973. С. 259.

²¹ Морозова О.М. Указ. соч. С. 375; см. также: Дубровская Е.Ю. Беломорская Карелия в 1919–1920 гг.: пограничье в состоянии Гражданской войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электронный сборник. Самара, 2018. Вып. 6. С. 15–30. URL: http://sbornik.libsmr.ru/content/stories/6/sbo6_02.pdf (дата обращения: 29.04.2021).

²² НА РК. Ф. Р-573. Там же.

Если по-настоящему бедственная ситуация складывалась с питанием красноармейцев, то о нормальном снабжении населения тем более говорить не приходилось. Население Беломорской Карелии, отрезанное от Южной Карелии из-за бездорожья и начавшихся военных действий на территории Архангельской губернии, целиком зависело от подвоза хлеба из-за границы. В пограничных с Финляндией карельских волостях Олонецкого и Повенецкого уездов торговцы пытались вывозить хлеб в Финляндию, чему препятствовали реквизиции и распределение хлеба между крестьянской беднотой.

В условиях разгоравшегося вооруженного противостояния граждан эскалация насилия одной части российского общества по отношению к другой становилась повседневным явлением. В июне 1918 г. боевики партии эсеров убили редактора «Красной газеты» В. Володарского, а в конце августа – председателя Петроградской чрезвычайной комиссии и комиссара внутренних дел М.С. Урицкого. После этого аресты бывших офицеров и членов меньшевистских партий приняли в стране массовый характер²³. 5 сентября 1918 г. правительство РСФСР приняло постановление о переходе к «красному террору» в ответ на убийство большевистских руководителей и ранение главы правительства В.И. Ульянова-Ленина.

В середине сентября I Олонецкая губернская конференция уездных чрезвычайных комиссий заслушала циркулярное предписание ВЧК «о применении красного террора к убийцам пролетарских вождей» и приняла постановление о немедленном проведении в жизнь этого предложения. Участники конференции рассмотрели вопрос об отношениях между чрезвычайными и советскими органами. Циркулярное предписание ВЧК прямо указывало, что чрезвычайные комиссии на местах подведомственны ВЧК, а местным Советам они лишь подотчетны: Советы не имеют права отменять или приостанавливать их распоряжения. Впрочем, Олонецкий губисполком уже провозгласил себя высшей властью в губернии и поэтому считал Олонецкую губчека подотчетным органом²⁴.

5 сентября, в день принятия постановления правительства РСФСР, Исполком Петрозаводского городского Совета единогласно поддержал московскую директиву о начале «красного террора». На местную буржуазию была наложена контрибуция в размере 500 тыс. рублей и трудовая повинность. Жестокость возможных мер не пугала, и в городе вводилась система заложничества, призванная устрашить противников советской власти. В числе арестованных оказывались не только члены умеренных социалистических партий, бывшие офицеры, предприниматели, представители интеллигенции, духовенства, авторитетные петрозаводчане, но и их родственники²⁵.

Заложниками становились люди, много сделавшие в 1917 г. для утверждения демократических начал в жизни города, среди них – один из руководителей тогдашнего

²³ Даринский А.В., Старцев В.И. История Санкт-Петербурга. XX век. СПб., 1997. С. 78.

²⁴ НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 17. Л. 60–60 об., 84 об. – 87, 89–90; Д. 96. Л. 1–2; Д. 141. Л. 305; Ф. Р-352. Оп. 3. Д. 1. Л. 160; Советы Карелии. С. 6, 40–41, 51–53; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. Сб. документов. Петрозаводск, 1957. С. 535–537.

²⁵ Пашков А.М., Филимончик С.Н. Указ. соч. С. 79.

Петрозаводского комитета общественной безопасности, член партии кадетов, адвокат И.И. Леви, депутат Олонецкого губсовета первого созыва меньшевик М. Крямичев, лидер петрозаводских эсеров Г.И. Прохоров. В сентябре 1918 г. городской совет отклонил их просьбы об освобождении от заложничества. Аресту с изъятием находившихся при себе денежных сумм вместе с И.И. Леви подверглись И.Н. Серого, принадлежавший к известной в городе купеческой семье, бухгалтер бывшей губернской земской управы А.П. Исаев, бывший податной инспектор кадет В.Р. Фрейндлинг²⁶. Аресты многих служащих высокой квалификации, которых катастрофически не хватало в хозяйстве и управлении города, серьезно дезорганизовали работу местных учреждений, и поэтому в конце октября власти были вынуждены освободить всех заложников²⁷.

В июле 1918 г. Совнарком РСФСР издал декрет о формировании тылового ополчения, а в сентябре – декрет «О регистрации буржуазии и нетрудового элемента». Согласно первому, зачислению в тыловое ополчение подлежали лица от 18 до 45 лет, «живущие на нетрудовой доход» или пользующиеся наемным трудом, которые поэтому не могли быть призваны в Красную армию. По второму декрету определялись основные категории «нетрудового элемента». Их составили владельцы промышленных, торговых и земледельческих предприятий, члены правлений акционерных обществ, компаний и различных товариществ, бывшие присяжные поверенные, нотариусы, биржевые маклеры, сотрудники буржуазной печати, монахи и духовенство различных конфессий, лица так называемых «свободных профессий», не выполняющие «общественно-полезные функции», бывшие офицеры, чиновники, воспитанники юнкерских училищ и кадетских корпусов, а также лица, не имеющие определенных занятий²⁸.

Местным горсоветам вменялось в обязанность заполнять на подпадающих под эти категории горожан специальные регистрационные карточки, разработанные НКВД, и возвращать по одному экземпляру в наркомат и губсоветы для передачи их в губернские комиссариаты по военным делам. В Петрозаводске среди зарегистрированных значились бывшие губернский комиссар Временного правительства 64-летний И.Ф. Кучевский и петрозаводский уездный комиссар 75-летний И.Г. Лазук, бывшие владельцы национализированных типографий Д.И. Катун, лесозаводчик Д.С. Парижский и его брат, представители купечества И.Н. Серого, Н.В. Варфаломеев вместе с сыном, братья К.В и Н.В. Поспеловы, уроженцы Финляндии братья Андрес и Август Хейконены, работавшие на своей мельнице и обслуживавшие весь город. Известный в Петрозаводске бывший владелец портновской мастерской И.Х. Мессель числился теперь «лицом без определенных занятий»²⁹. К январю 1919 г. на учет такого рода попало более сорока граждан³⁰.

²⁶ НА РК. Ф. Р- 459. Оп. 1. Д. 1. Л. 39, 53–55.

²⁷ Пашков А.М., Филимончик С.Н. Указ. соч. С. 80.

²⁸ НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1/6. Л. 14.

²⁹ Там же. Л. 20–78.

³⁰ История Петрозаводска: власть и горожане: Петрозаводск, 2008. С. 159.

В начале августа 1918 г. петрозаводский окружной комитет РКП(б) отправил в уезды своих представителей для организации комитетов бедноты и продовольственных отрядов. Комбеды должны были содействовать продовольственным органам в изъятии «хлебных излишков», организовывать сельскохозяйственные коммуны. С помощью комбедов большевики стремились усилить имущественный, идейный, возрастной раскол внутри крестьянской общины, усилить социальное противостояние в деревне.

Нередко беднота сама производила конфискацию семян у зажиточных односельчан и засеивала этими семенами свои пашни. В конце августа 1918 г. волостная парторганизация в с. Ялгуба Петрозаводского уезда, узнав, что несостоятельным землякам нечем засеять озимые, постановила: «Земля должна быть засеяна вся, семена должны быть взяты у имущих классов посредством реквизиции и конфискации». В то же время решением сверху был реорганизован Ялгубский комбед «как состоящий из кулаков»³¹.

Как вспоминал уроженец дер. Колгостров Водлозерской волости Пудожского уезда Т.М. Бунёв, в дер. Канзанаволок председателем волостного комбеда избрали крестьянина П.Я. Терентьева. Осуществляя передел земли в волости, «комбеды отбирали землю у кулаков и делили ее поровну, по едокам. У бедняков земельные наделы увеличивались. В нашей семье, например, до передела была всего одна десятая земли на шесть едоков, после передела земельный надел увеличился до 6 десятин – по одной десятине на едока. Комбеды, кроме того, производили учет хлеба в деревне, кулакам и зажиточным крестьянам оставляли хлеб по определенной норме, а излишки муки распределяли между нуждающимися крестьянами»³².

Оставляя за скобками рассуждения о том, какого рода «кулаков» могли обнаружить комбедовцы среди своих земляков в весьма небогатом Водлозерье, нужно отметить, что и в более развитых в сельскохозяйственном отношении уголках Карелии владельцы товарного хлеба становились основным объектом внеэкономических методов его изъятия, то есть, по существу, объектом насилия со стороны государства. Средние крестьяне, имевшие запасы хлеба, в этом случае тоже приравнивались к кулакам³³.

Зачастую комбеды действовали по своему усмотрению, налагая контрибуции и вводя чрезвычайные налоги на зажиточных односельчан. Так, осенью 1918 г. в Неккульской волости Олонецкого уезда деньги на содержание комбедов изымались «путем обложения состоятельных граждан, а также спекулянтов». По постановлению ячейки сочувствующих РКП(б) у этой категории деревенского населения оказалось изъято по 500–700 рублей³⁴. За

³¹ НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 19. Л. 199.

³² В борьбе за власть Советов. С. 213.

³³ *Осипова Т.М.* Обманутый класс // Родина. 1990. № 10. С. 24.

³⁴ НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 19. Л. 259; Ф. 29. Оп. 1. Д. 6/81. Л. 35; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. Сб. документов. Петрозаводск, 1957. С. 426–427; *Филимончик С.Н.* Олонец в годы революции и гражданской войны (1917 – начало 1920-х гг.) // Олонец. Историко-краеведческие очерки: в 2 ч. Ч.2. Петрозаводск, 1999. С. 14.

укрывательство зерна также назначались штрафы³⁵. Однако многочисленные комбеды не смогли решить продовольственную проблему.

Так и не сумев улучшить продовольственное положение городов и Красной армии, но подорвав эффективность сельского хозяйства и настроив деревню против города, в конце 1918 – начале 1919 г. комбеды были слиты с волостными Советами. Решение об упразднении комбедов принял VI Всероссийский съезд Советов в ноябре 1918 г. Однако комбедам не везде удалось разделить крестьян на «пролетариев» и «кулаков». Многие деревни не видели необходимости в специальном бедняцком комитете, а если и видели, то позволяли крестьянам присоединяться к ним, раз все они одинаково бедны³⁶. Комбеды, в которых зачастую заседали асоциальные элементы и просто хулиганы, оказались чуждыми крестьянам. Характерное для всей страны недовольство этими «инструментами классовой войны» выразилось в общекрестьянских бунтах, которые жестоко подавлялись³⁷.

Одинаковые с односельчанами трудности испытывали в это время бывшие участники Первой мировой войны. В отличие от красноармейцев их именовали «староармейцами»³⁸. Пособие их семьям было значительно ниже по сравнению с выплатами семьям красноармейцев, хотя и последние далеко не всегда получали их вовремя. Крестьянин дер. Канзанаволок, инвалид войны Ф.С. Фокин, на фронте получивший ранение в ногу в октябре 1915 г. и «на 40–45%» потерявший трудоспособность, должен был, согласно правилам, периодически проходить переосвидетельствование в Пудожском уездном по воинской повинности присутствии для получения пенсии в 60 рублей в год³⁹. Право на пожизненную пенсию с апреля 1918 г. за ним признали лишь осенью 1917 г., а до этого срока семье бывшего фронтовика, состоявшей из жены, троих детей и престарелого отца, выплачивалось казенное пособие в размере пяти паев по 30 рублей⁴⁰. Сохранилось свидетельство, датированное декабрем 1918 г., о том, что с апреля дальнейшая выдача пособия семье не производилась⁴¹. Переписка с органами соцобеспечения о назначении и выплате пенсии от казны «военно-увечному» крестьянину Фокину продолжалась еще в течение трех лет.

И без того тяжелое положение крестьян усугублялось фактами многочисленных злоупотреблений продовольственных и военных органов при сборе налогов, ужесточением репрессий против обеспеченных крестьян и середняков. К лету 1918 г. чрезвычайные меры в отношении населения стали восприниматься как норма. Реальная власть стремительно

³⁵ Богданова Г.Н. Организация и деятельность комитетов бедноты в Карелии // Труды Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1959. С. 26.

³⁶ Файджес О. Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917–1918 гг. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 234.

³⁷ Яров С. В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999. С. 22–29.

³⁸ Карелия в период гражданской войны... С. 326.

³⁹ НА РК. Ф. 382. Оп. 2. Д. 190. Л. 20.

⁴⁰ Там же. Л. 26.

⁴¹ Там же. Л. 26 об.

уходила от выборных органов и контроля населения.

Эмоциональную окраску воспоминаниям о пережитом в эти годы придают свидетельства очевидцев о менее драматических событиях исследуемого периода, какими стали новые праздники и коммеморации. Коммеморативный нарратив, структурирующий коллективную память, формировался как «снизу», так и «сверху» и утверждался через праздники и ритуалы наряду с такими формами, как популярная литература, фольклор (и «псевдофольклор»), средства массовой информации и т. д.

Вместе с другими социальными институтами (школа, армия, общественные организации) праздники были включены в процесс «конструирования» советской действительности и накладывали свой отпечаток на самые различные стороны жизни городского и сельского населения края. Как показали исследователи, принятие новых идей и ценностей способствует изменениям старых праздников и возникновению новых, а революции вносят существенные перемены в устоявшуюся праздничную систему⁴². Революции всегда ставят вопрос о своей временной идентичности. В точном соответствии с сутью революционного времени новые праздники, во многом носившие черты военных, призваны были обозначить наступившую новую эпоху⁴³.

Маршрут праздничной манифестации 7 ноября 1918 г. в Петрозаводске утверждался на совещании представителей социалистических партий, организаций, учреждений, красноармейских частей и частей боевых дружин накануне «первой годовщины пролетарской революции».⁴⁴ Шествие должно было начаться с бывшей Петровской площади, где находились губернские правительственные учреждения, и которая стала называться Советской⁴⁵, а затем двинуться через рабочую окраину Голиковку⁴⁶.

Во время манифестации предполагалось прохождение демонстрантов через такой объект городской среды, как Тюремная площадь перед зданием губернской тюрьмы. Прежде во время праздничных шествий и крестных ходов она, конечно, не включалась в маршрут следования. Примечательно, что сакральный центр города – главная Соборная площадь, откуда обычно начинались все шествия – в программе празднования 7 ноября 1918 г. уже обозначена как «Площадь у рабоче-крестьянской школы 2 степени (бывшая

⁴² См. об этом: *Годунов К.В.* Левые оппоненты большевиков и революционные празднования 1918 г. // *Российская история.* 2016. № 5. С. 184–195; *Келлер Е.Э.* Праздничная культура Петербурга. Очерки истории. СПб., 2001; Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография. Сб. статей. Петрозаводск, 2010.

⁴³ *Никонова О.Ю.* Военные праздники и ритуалы как инструмент военно-патриотического воспитания // *Опыт мировых войн в истории России.* Челябинск, 2007. С. 181

⁴⁴ *Годунов К.В.* Петрозаводск 7–8 ноября 1918 года: губернский центр в дни праздничных торжеств // *Труды Карельского научного центра Российской академии наук: Гуманитарные исследования.* 2015. № 8. С. 97–102.

⁴⁵ В честь первой годовщины Октябрьской революции вскоре была переименована в Площадь 25 Октября 1917 г.

⁴⁶ Петрозаводск. 300 лет истории. Кн. 3: 1903–2003. / Ред. Н. А. Кораблев, С.Н. Филимончик, Д.З. Генделев. Петрозаводск, 2003. С. 140–142.

гимназия)». Впоследствии она была переименована в площадь Свободы (предполагался и другой вариант – площадь Культуры)⁴⁷.

Торжества в Петрозаводске, начавшиеся 7 ноября 1918 г., открылись артиллерийским залпом, состоялась многотысячная манифестация. В театре «Триумф» провели торжественное заседание Советов, общественных организаций и красноармейских частей, почетными председателями заседания избрали В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, Карла Либкнехта и Фридриха Адлера⁴⁸. 8 ноября в городе прошел парад частей Красной армии, маршировавших вместе с отрядами коммунистов Онежского завода и Мурманской железной дороги. Празднества длились несколько дней, и ревком грозил арестом и тюремным заключением любому, нарушившему сухой закон и дисциплину «в дни пролетарского торжества»⁴⁹.

В дни торжеств в честь первой годовщины Октября главные городские здания украшали гирлянды, на изготовление которых потребовалось 20 возов хвой, у горсовета была сооружена триумфальная арка с революционными плакатами. Еще две «художественные арки» были сооружены на проспекте Карла Маркса (бывшие Соборная и Мариинская улицы) и проспекте Фридриха Энгельса, объединившем прежние Английскую, Петроградскую улицы и Тюремный переулок⁵⁰.

Итак, к первой годовщине Октябрьской революции центральные улицы Петрозаводска были переименованы в честь вождей мирового и российского пролетариата. Улица Бородинская стала называться улицей В.И. Ленина, Екатерининская – Л.Д. Троцкого, Жуковская – Г.Е. Зиновьева, Большая Голиковская – В.В. Володарского, Протасьевская – А.В. Луначарского. Память о другом петрозаводском губернаторе – В.А. Левашове – представлялась менее значимой в сравнении с памятью о немецком революционере К. Либкнехте, в честь которого стал называться бульвар, основанный бывшим губернатором. Главные площади города теперь были не Петровская и Соборная, а Площадь 25 Октября и площадь Свободы соответственно⁵¹.

Искоренялась память о православных церковных праздниках и символах, именах царской династии: Никольская улица становилась Красной, Александровская вместе со Средне-Голиковской – проспектом Урицкого, Предтеченская – Вольной, Рождественская – улицей Коммунистов, Дмитриевская – Шоссе 1 Мая, Ивановская – Северной, Владимирская набережная – Онежской. Переименования коснулись и городских мостов. Старый Авраамовский мост получил название Советского, а Пименовский, построенный купцом М. Пименовым, стал называться Зарецким. Имя А. Кузьмина, казненного в 1908 г. за

⁴⁷ Там же. С. 141.

⁴⁸ Известия Олонецкого губсовета. 1918. 7, 8 ноября; Петрозаводск. 1703–2003. Хроника трех столетий. Петрозаводск, 2002. С. 236–237; Годунов К.В. Петрозаводск..., С. 99.

⁴⁹ Цит. по: Пашков А.М., Филимончик С.Н. Петрозаводск. СПб., 2003. С. 77–78; Известия Олонецкого губсовета. 1918. 7, 8 ноября; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. Сб. документов. Петрозаводск, 1957. С. 492–493.

⁵⁰ Годунов К.В. Петрозаводск..., С. 100; Пашков А.М., Филимончик С.Н. Указ. соч. С. 77–78.

⁵¹ Петрозаводск. 300 лет истории. С. 573–574.

покушение на председателя Петербургской судебной палаты сенатора Н.С. Крашенинникова, было увековечено в названии бывшей Задне-Машезерской улицы⁵². Немедленной ликвидации подлежали и памятники Александру II и Петру I как память о павшей династии. Они были сброшены с пьедесталов, последний все же уцелел, много лет пролежав в губернаторском саду, переименованном в Парк пионеров. Важнейшими элементами мифологизации недавнего революционного прошлого через праздничную культуру являлись директивное закрепление в качестве праздничных новых революционных дат истории и постепенное упразднение религиозных традиций путем конфискации церковных зданий и репрессий в отношении священнослужителей.

Обращает на себя внимание использование идеологически нейтральных «старых символов», призванных при организации торжеств закрепить в памяти населения новые постреволюционные мифы. В числе таких символов широко использовались прежние приемы оформления праздников: гирлянды, цветы, флаги, вечерние фейерверки и т. п. Оказался востребованным и древнеримский опыт сооружения триумфальных арок. Этот символ являлся частью культуры дореволюционной эпохи: триумфальная арка, увенчанная лозунгом «За Веру, Царя и Отечество» в 1914 г. украшала общественную пристань Петрозаводска⁵³.

По наблюдению петербургского историка К.В. Годунова, украшение городского пространства, распространенное в дореволюционной культуре, продолжало использоваться и после 1917 г., оставаясь важной приметой советского политического стиля. Арка с лозунгом «Да здравствует Совет народных комиссаров!» была построена в Петрозаводске у здания горсовета на Площади 25 октября (бывшая Петровская, переименованная к первой годовщине революции). 7 ноября н. ст. 1918 г. под ней парадным строем прошли воинские части и демонстранты⁵⁴. Празднование первой годовщины Октября в Петрозаводске и уездах (в селах Кузаранда и Горнее Шелтозеро Петрозаводского уезда, Видлицы и Большие горы Олонецкого уезда, Поросозеро Повенецкого уезда) стало поводом как для усиленной пропаганды новых идеалов и ценностей, так и для низвержения прежних авторитетов⁵⁵.

Как вспоминает С.С. Ракчеев, в вепском с. Бережное Шелтозеро в день первой Октябрьской годовщины на зданиях волостного Совета, штаба красноармейского отряда, школы и клуба также развешались красные кумачовые полотнища. В центре села, возле помещения Совета, «воздвигли большую арку, украшенную еловыми ветками, кумачом», поодаль у школы устроили небольшую трибуну. «На кроне арки в особую раму был вдет портрет народного вождя В.И. Ленина, а немного ниже на красном полотнище во всю арку была сделана надпись: “Да здравствует Ленин!”». В селе соорудили еще одну арку,

⁵² Известия Олонецкого губсовета. 1918. 6 ноября; Годунов К.В., Волохова В.В. Локальный культ революционного героя: память о террористе А.М. Кузьмине в Петрозаводске // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 7 (176). Октябрь 2018. С. 54–62.

⁵³ Сады и парки в истории Петрозаводска. Петрозаводск, 2003. С. 150.

⁵⁴ Годунов К.В. Петрозаводск... С. 100.

⁵⁵ Борьба за установление и упрочение... С. 493–499.

украшенную кумачовым транспарантом «Да здравствует Советская рабоче-крестьянская власть!»⁵⁶.

По свидетельству мемуариста, «величаво и нарядно выглядели сооруженные арки», которые «привлекали посмотреть своими глазами» не только крестьян этого села, но и других сел и деревень волости: «крестьяне приходили отовсюду, делая 10–25 верстовые маршруты». Увидев праздничное Бережное Шелтозеро, особенно пахнущую сосной трибуну из свежеструганных досок, а она «выглядела очень приглядной», была «разукрашена еловыми гирляндами и обтянута красной материей, реквизированной у бывших лавочников», крестьянин из д. Матвеева Сельга заявил «с оттенком гордости и радости»: «На новую жизнь душа и сердце просят любоваться, и мы хотим знать все новое, видеть своими глазами, как новый праздник надо проводить»⁵⁷. Подобные «триумфальные арки», по всей стране символизировавшие советский стой и врата, распахнутые в светлое будущее, в вожденное «завтра», сооружались и в канун революционных праздников последующих лет⁵⁸.

Программа мероприятий «мирового пролетарского праздника 1 Мая» 1919 г. в Петрозаводске, выработанная Особым совещанием представителей партий, профсоюзов, красноармейских частей, Онежской озерно-речной флотилии и «других революционных организаций», предписывала, чтобы в этот день все дома в городе были «украшены флагами и зеленью». Всем организациям, участвовавшим в торжествах, предлагалось «иллюминировать свои помещения и арки, где таковые имеются» и где для этого не требовалось «сложных приспособлений и особых затрат», зелень должна была украшать и петлицы демонстрантов⁵⁹.

Коллективное исполнение «Интернационала» и другие элементы революционной политической культуры (украшения зданий и арок кумачом, красные банты) создавали необходимый психологический эффект сопричастности новым ценностям. Использование хорошо известных символов позволяло участникам торжеств подчеркнуть свою солидарность с десакрализацией рухнувшей власти, разграничивая «своих» и «чужих» не по этнической принадлежности, а по отношению к новому общественному порядку, как это происходило в карельском Олонце или в вепском Шелтозерье.

С.С. Ракчеев в июле 1918 г. вернулся на родину с работ в Соловецком монастыре и на Иванов день (24.06 по ст. ст.) навесил «своих однокашников по обету» в д. Залесье, куда на деревенский праздник ходили и его родители. Встретившись с земляками, те смогли убедиться, что из монастыря подростков действительно отпустили, «а не удрали мы», воспользовавшись бурными переменами в жизни Поморья, – пишет автор воспоминаний⁶⁰.

⁵⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 74. Л. 38–39.

⁵⁷ Там же. Л. 40.

⁵⁸ Сальникова А.А. От Казанских слобод к Казани социалистической: смена семантико-семиотического кода // Повседневность российской провинции: история, язык и пространство. Казань, 2002. С. 114–115.

⁵⁹ НА РК. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 83. Л. 103.

⁶⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 74. Л. 16.

7 ноября 1918 г. к началу митинга в с. Бережное Шелтозеро собралось гораздо больше крестьян, чем обычно собиралось на традиционный сельский праздник «в день осеннего Георгия»⁶¹. Это упоминание о традиционном храмовом празднике села – Егорьевом дне (23.04 и 26.11 ст. ст.) – свидетельствует о соперничестве-диалоге двух праздничных систем и культур раннесоветского периода. По наблюдению исследовательницы советской праздничной культуры в провинции С.Ю. Малышевой, посредством участия в советских праздниках – «символического принуждения» – население огромной страны вовлекалось в орбиту новых социально-политических и исторических реалий. Однако в провинциальных празднествах «нередко выявлялись индивидуальные черты», обусловленные «спецификой местного праздничного ландшафта, национально-конфессиональным составом населения и укладом жизни, местными традициями и обычаями»⁶².

Освещая новшества самых различных сторон жизни земляков, С.С. Ракчеев неизменно подчеркивал события, происходившие впервые. В завершение рассказа о праздновании первой годовщины Октябрьской революции в Бережном Шелтозере он отметил, что крестьяне окрестных сел и деревень «явились сюда не из простого любопытства, а как на свой большой торжественный праздник, какого еще не знала история вепсского села»⁶³.

В период Гражданской войны победы, одержанные большевиками в их стремлении контролировать символы революции, значительно облегчали им задачу удержания завоеванной власти. К таким революционным символам преобразования действительности относятся как образы «нового» времени, так и новые праздники, проводившиеся в городах и селах Карелии. Они призваны были актуализировать память о российской революции 1917 г. и предшествующих ей событиях. Согласно «Правилам об еженедельном отдыхе и праздничных днях», утвержденным Совнаркомом в 1919 г., к последним относились даты, «посвященные воспоминаниям об исторических событиях»: 1 января – Новый год, День 9 января 1905 г. – годовщина расстрела мирной демонстрации жителей столицы перед Зимним дворцом (22 января н. ст.), 12 марта по н. ст. – День низвержения самодержавия, 18 марта – День Парижской Коммуны, 1 Мая – День Интернационала и 7 ноября – День пролетарской революции. В качестве неоплачиваемых дней отдыха сохранялись пасхальные и большинство двунадесятых праздников⁶⁴.

Церковные праздники в первые годы после революции продолжали носить характер общенациональных. Праздничными оставались дни Крещения, Благовещения, Страстной субботы и второго дня Пасхи, Преображения, Рождества. В то же время власть стремилась противопоставить религиозным праздникам новые массовые мероприятия. В дни

⁶¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 74. Л. 41.

⁶² Малышева С.Ю. Указ. соч. С. 28.

⁶³ Ракчеев С.С. Вепсская деревня в 1918–1919 годах // За Советскую Карелию. 1918–1920. Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск, 1963. С. 486.

⁶⁴ Дубровская Е.Ю. Советские революционные праздники в Карелии (1918–1920 гг.) // IX Конгресс этнографов и антропологов России. Тез. докл. Петрозаводск, 2011. С. 331–332.

церковных торжеств организовывались субботники и воскресники, проводились так называемые «красная пасха», «комсомольское рождество»⁶⁵.

Участники новых празднеств ориентировались на определенные образцы политического поведения и революционную традицию. Во время совместного освоения городского центра Петрозаводска, Пудожя, Олонца, Повенца в дни празднования Февральской и Октябрьской годовщин, Первомайских торжеств, праздника введения института Всеобуча 22 апреля 1919 г. и других дат нового календаря предполагалось использовать все знаковые средства политической культуры, включая язык жестов, пение, музыку, цвет.

Однако уже весной 1919 г. один из авторов заметки в красноармейской газете «Олонецкая звезда» жаловался на ставшую досадной заорганизованность праздничных мероприятий. Так, при проведении Первомайского праздника в г. Олонце он призывал учесть опыт Первомая 1918 г. и отказаться от построения в колонны участников манифестации – горожан и военнослужащих, чтобы избежать «казенщины». Вместо этого на улицах города ему хотелось бы видеть «праздничную толпу», что, по его словам, больше соответствовало бы творческой, обновляющей атмосфере революционных торжеств. «Пусть в этом шествии не будет шаблона, который уже успел образоваться. До сих пор наши празднества были очень боевыми, они звали только к борьбе, а не к созиданию. Наша весна имеет право требовать, чтобы ее встретили не традиционные шеренги, а толпы празднично возбужденных людей», – настаивал автор заметки, скрывшийся за инициалами Н.С., и продолжал: «Нужно ли заранее заботиться о каких-нибудь церемониалах? Первое и единственное условие – как можно больше искусства и красоты должно быть брошено на улицу в этот день. У провинции силы не велики, но пусть каждое селение использует все, что у него есть под руками. Нужно расшевелить жажду творчества в людях», чтобы праздник показался «еще ярче, еще полновочнее, чем октябрьские торжества»⁶⁶, омрачившиеся тревогой за положение на фронтах.

Стремление новой власти контролировать народную стихию, которая неизбежно прорывалась во время проведения как традиционных, так и революционных праздников, наглядно обозначилось к 1921 г. Вместо ставших уже привычными в годы Гражданской войны празднеств «красного календаря» с их неизменными митингами, манифестациями, шествиями, с бесплатными вечерними спектаклями для красноармейцев и гражданского населения, поставленными силами местных театральных и самодеятельных трупп, циркуляр губкома партии большевиков в апреле 1921 г. предписывал иное.

⁶⁵ Дианова Е.В. Религиозные праздники в Карелии в 1920-е гг. // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2008. С. 127–136. Позже, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. под давлением государства в Петрозаводске прервалась традиция проведения массовых церковных праздников, так как были закрыты и переоборудованы под мирские нужды практически все городские храмы, взорван Святодуховский кафедральный собор, большинство священнослужителей подверглось арестам, ссылкам, расстрелам (Филимончик С.Н. Петрозаводск в 1920–1930-е гг. // История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск, 2008. С. 176–177).

⁶⁶ К 1 Мая // Олонецкая звезда. 1919. 20 апр.

При подготовке Первомайского праздника в Петрозаводске руководители губернской организации рекомендовали «избегать каких-либо расходов на украшения». Они сослались на то, что подобные траты могли выглядеть кощунственно в то время, когда в Поволжье свирепствовал голод⁶⁷. Помимо угрозы собственному авторитету, который при таких обстоятельствах рисковал рухнуть окончательно, отказ от проведения шумного и многолюдного праздника, вероятно, объяснялся и другой причиной.

Партийное руководство рекомендовало, как и прежде, проводить вечера, собрания и митинги, но отказаться от манифестации якобы из-за того, что «при малочисленности населения» в городах и сельской местности такие манифестации выглядели бы «очень казенными» и тем подрывали бы престиж советской власти. Думается, что причина запрета на манифестации кроется не в опасении угрозы имиджу власти, а в тех обстоятельствах, которые совпали с подготовкой Первой 1921 г. Только что произошло восстание в Кронштадте, жестоко подавленное правительством, и проведения многолюдных манифестаций опасались, поскольку они могли перерасти в новые открытые выступления.

Кардинально изменилась символика праздничного пространства. Для утверждения социальных представлений власть, как и в древности, использовала места захоронений. В годы Гражданской войны в Карелии в Петрозаводске появилась новая святыня – городской некрополь. В июне 1919 г. Олонецкий губком РКП(б) вместе с ревкомом приняли решение устроить вблизи Площади 25 Октября братские могилы коммунистов, «павших смертью храбрых в боях с белыми»⁶⁸. В 1922 г. на этом месте установят первый советский памятник. В дни праздников по окончании митинга колонны демонстрантов шли к братским могилам, чтобы под звуки траурного марша, склонив знамена, почтить память защитников советской власти.

Церемония захоронения вне традиционных кладбищ была уникальна для Петрозаводска, но вписывалась в контекст новой общероссийской городской культуры. Практика массовых захоронений, ставшая фактом фронтовой повседневности участников Первой мировой войны в условиях иноконфессионального окружения не на «своей» территории, повлияла на готовность вернувшихся на родину фронтовиков создавать новое сакральное пространство. Посещение братских могил «новых мучеников» вошло в ритуал революционных праздников и предполагало отдавание долга памяти погибшим соратникам. Гибель «за революцию», «за народ» и «за идею» выступала финалом любого биографического повествования о героях и придавала ему структурную законченность и завершенность фабулы. «Озверелая белогвардейская свора здесь же около пулеметов расстреляла молодых и преданных делу революции пулеметчиков. Могилы героев не должны быть забыты»⁶⁹, – напоминал собравшимся Г. Пономарев, выступая на конференции бывших красных партизан в 1930 г.

⁶⁷ НА РК. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 138. Л. 10.

⁶⁸ Пашков А.М., Филимончик С.Н. Указ. соч. С. 52, 77; Филимончик С.Н., Гольденберг М.Л. История Петрозаводска: учебное пособие. Петрозаводск, 2003. С. 158–159.

⁶⁹ Пономарев Г. Могилы героев не должны быть забыты // В боях за Советскую Карелию. С. 110.

Подводя первые итоги изучения вопроса о трансформации общественных настроений жителей Карелии в 1918–1922 гг., следует отметить, что мировая и Гражданская войны, как и российская революция 1917 г., сыграли особую роль в становлении советской идентичности. На Севере России в годы Гражданской войны особенно заметны стремление к общественному компромиссу, с одной стороны, и желание не только военных, но и оказывавшихся под их влиянием жителей губернских центров, уездных городов и даже карельской глубинки Олонецкой и Архангельской губерний утверждать свою правоту с помощью насилия – с другой. У руководителей преобразований, проводившихся в северной глубинке, возникало немало иллюзий относительно скорого успеха будущего коммунистического переустройства планеты. Романтические мечты о мировой революции и всемирной «заре социализма», ставшие приметой времени, не обошли как большевистских губернских лидеров, так и простых горожан и сельских жителей. Однако в российском обществе, непоправимо расколотом революцией, вынашивались и другие идеи насчет будущего родины и способов восстановления утраченного прежнего порядка. Выражаясь образно, возвратившиеся из окопов солдаты Первой мировой приносили в родные места «войну на сапогах».

Разумеется, официальный праздничный дискурс, отраженный в основном в документации «властного» происхождения, материалах печати, плакатах, выпускавшихся к праздникам, способствовал закреплению отдельных дат первой российской революции, рабочего движения, революции 1917 года и Гражданской войны в качестве национальных, государственных праздников и дней поминовения. Вместе с тем огромную роль в мифологизации и закреплении «снизу» культурной памяти о событиях «переломного времени» и формирования общественных настроений, свойственных раннесоветскому периоду в истории Карелии, сыграл «неофициальный» дискурс «рассказов о Гражданской войне», связанный с повседневной жизнью населения края в экстремальных условиях гражданского противостояния. Смерть и образ смерти, угроза смерти, неизбежные в чрезвычайных обстоятельствах военного времени, – важнейший элемент в механизмах запоминания/воспоминания отдельных социальных групп и обществ во всех культурах и конфессиях – присутствуют в большинстве использованных текстов, основанных на свидетельствах очевидцев драматических событий. Однако анализируемые воспоминания неизбежно несут на себе печать последующих времен, тех, когда они были написаны мемуаристами или записаны собирателями «Рассказов о Гражданской войне».

Коммеморативный нарратив о Гражданской войне в Карелии, ставший репрезентацией вооруженного противостояния на Севере России, отразил процесс формирования коллективной памяти населения края, а также ее противоречия и столкновения с персональным опытом отдельных свидетелей происшедшего. Коллективная (коммуникативная и культурная) память населения Карелии о событиях Гражданской войны и международной интервенции является интересным объектом анализа, а выявленные «живые свидетельства» прошлого позволяют обратиться к «человеческому измерению» времени, увидев его в историко-антропологическом ракурсе. Несмотря на трафаретный во многом характер изложения, мемуарные тексты содержат

значимый материал для исследования политических символов и политической культуры раннесоветского периода в целом, языковых клише, а также индивидуальных описаний, в которых фиксировались восприятие и оценка событий их участниками и очевидцами.